

ИЗ ИСТОРИИ НАУКИ

Problemy istorii, filologii, kul'tury
1 (2016), 392–407
© The Author(s) 2016

Проблемы истории, филологии, культуры
1 (2016), 392–407
© Автор(ы) 2016

ИССЛЕДОВАНИЯ АКАДЕМИИ НАУК СССР В РОССИЙСКОЙ АРКТИКЕ В 1930-е – 1941 гг.

А.А. Сулейманов

*Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера
Сибирского отделения РАН, Якутск,
alexas1306@gmail.com*

Аннотация. В статье рассматривается деятельность учреждений и сотрудников Академии наук СССР по исследованию арктических районов Советского Союза в период, начало которого связано с реорганизацией научного центра и его фактической «советизацией», а окончание – с перестройкой работы в соответствии с требованиями военного времени. В связи с этим показана история реализации важнейших академических инициатив: Кольской комплексной экспедиции, исследований в Северном крае, Якутской экспедиции Совета по изучению производительных сил и Института мерзлотоведения им. В.А. Обручева, экспедиции на остров Врангеля 1938 г. и др. Определены ключевые факторы, оказавшие воздействие на масштабы и векторы академических изысканий в рассматриваемом регионе (выбранный руководством АН СССР под воздействием органов государственной власти стратегический вектор деятельности, связанный с обеспечением нужд экономико-хозяйственного развития страны; сложившаяся в Советском Союзе общественно-политическая ситуация, а также появление новых важных акторов – Главсевморпути и структур, аффилированных с НКВД СССР). Выявлены основные направления реализованных научно-исследовательских инициатив. Отмечены особенности выбранного периода в истории организации научного изучения Российской Арктики Академией наук (развитие стационарных исследований, активизация научно-консультационной деятельности, влияние репрессий на кадровый потенциал), а также его значение для пополнения багажа фундаментальных и прикладных знаний.

Ключевые слова: Арктика, Якутия, Кольский полуостров, Азиатский Север, Академия наук СССР, научные исследования, экспедиции

Сулейманов Александр Альбертович – кандидат исторических наук, научный сотрудник сектора арктических исследований и проблем малочисленных народов Севера Сибирского отделения РАН.
E-mail: alexas1306@gmail.com

Изучению арктического региона в отечественной Академии наук уделяли большое внимание фактически с первых лет существования этого исследовательского центра. Так, значительная часть Второй Камчатской (1732–1743 гг.) экспедиции, в организации которой активное участие приняла Академия, проходила на территориях и в акваториях, лежащих за Северным полярным кругом. Серьезное значение Арктике придавалось в изысканиях академика М.В. Ломоносова. Им, в частности, были разработаны научные основы мореплавания в северных морях, составлены инструкции по организации полярной экспедиции. Именно М.В. Ломоносов был одним из первых, кто обратил внимание на важность арктического вектора развития России¹.

XIX в. в истории Императорской Академии наук оказался отмечен исследованиями М.И. Адамса в дельте реки Лена 1806–1807 гг., изысканиями К.Э. Бэра на Новой Земле в 1837 г. и в Лапландии в 1840 г., изучением Таймыра А.Ф. Миддендорфом, экспедициями А.А. Бунге, Э.В. Толля и Е.И. Шилейко на Новосибирские острова 1885–1886 и 1892–1893 гг. Позднее Э.В. Толль возглавил одну из самых значительных научных инициатив своего времени – Русскую полярную экспедицию 1900–1902 гг., проходившую вдоль арктического побережья России от Мурмана на Баренцевом море до острова Беннетта в Восточно-Сибирском море².

К началу XX в. изучение Арктики заняло в деятельности Академии наук такое важное место, что в 1914 г. специально для координации исследований в регионе была учреждена Полярная комиссия, в первый состав которой вошли 7 академиков³.

Не прекращались исследования северных широт и обработка полученного материала ни в годы Первой мировой, ни в годы Гражданской войны. Более того, во многом именно благодаря этим событиям, показавшим серьезную зависимость экономики России от импорта природных ресурсов (в стране в крайне небольших масштабах добывались медь, свинец и цинк; предметами импорта были алюминий, все использовавшиеся в военной промышленности редкие металлы и даже бентонитовая глина для очистки нефтяных масел), академические исследования стали приобретать новую направленность.

В начале 1915 г. на заседании физико-математического отделения Императорской Академии наук академик В.И. Вернадский выступил с заявлением, подписанным, наряду с ним, академиками А.П. Карпинским, Б.Б. Голицыным, Н.С. Курнаковым и Н.И. Андрусовым, в котором призвал организовать при научном центре Постоянную комиссию для исследования естественных производительных сил Российской империи (КЕПС). Задачами этой комиссии должны были являться «учет естественных производительных сил России», «выяснение знаний о них» и «определение предстоящей необходимой научной работы». Значение данного направления в деятельности Академии ученые связывали с успешным ведением военных действий и послевоенным восстановлением, освобождением от экономической зависимости от западных стран, и прежде всего Германии, а также ростом отечественной промышленности, земледелия и торговли⁴. Предложения

¹ Ширина 2001, 14–34.

² Вехов 2011, 100; Черников 1938, 79–84; Ширина 2001, 107–137.

³ Красникова 2006.

⁴ Известия Императорской Академии наук: 1915. Птгр. №6. VI серия, 487–489.

академиков получили развитие в записке В.И. Вернадского «Об изучении естественных производительных сил России». В ней ученый назвал изучение «производительных сил», т.е. полезных ископаемых, ресурсов живой природы (плодородие почвы, лесное хозяйство, рыбные богатства и др.) и естественных источников энергии первоочередной задачей Академии наук⁵.

После ряда организационных мероприятий в октябре того же 1915 г. состоялось первое расширенное заседание КЕПС, положившее начало деятельности этой уникальной научной структуры. Работу Комиссии, а также шести из десяти ее подкомиссий возглавил сам В.И. Вернадский⁶.

В 1917 г. в рамках КЕПС была организована Подкомиссия по вопросу об изучении и использовании естественных производительных сил Русского Севера⁷. При этом в отчете о деятельности КЕПС за тот же год природные богатства практически неосвоенных ранее северных территорий России назывались «важным источником будущего благосостояния» страны⁸.

Одной из первых инициатив, направленных на поиски месторождений полезных ископаемых на Европейском Севере России, стала Лапландская экспедиция сотрудника Геологического и Минералогического музея Академии наук П.В. Виттенбурга в 1918 г. В ходе этих изысканий была проведена геологическая съемка Кольского залива, обследован остров Кильдин, открыты залежи железной руды у мыса Мишукова⁹.

Весной же 1920 г., когда после окончания военной интервенции территорию современной Мурманской области, а в то время Кольский (Александровский) уезд Архангелогородской губернии, посетила специальная комиссия, в состав которой входили два выдающихся геолога – президент Академии наук А.П. Карпинский и директор Минералогического музея, академик А.Е. Ферсман, было положено начало планомерного изучения расположенного в пределах Кольского полуострова Хибинского горного массива. В августе того же года А.Е. Ферсман прибыл в Хибинские горы во главе первой академической экспедиции. В 1921 г. исследователи нашли здесь первые глыбы апатитовых руд, а в 1923 г. обнаружили апатитовые россыпи. В 1926 г. А.Н. Лабунцов открыл первое крупное коренное месторождение этого минерала. В 1927 г. при Академии наук (АН) СССР (название с 1925 г.) была создана специальная Комиссия для изучения производительных сил Кольского полуострова, которую возглавил А.Е. Ферсман, а с 1928 г. академические изыскания в регионе велись уже в рамках Кольской комплексной экспедиции. В августе 1929 г. специалисты пробурили первую разведочную скважину и добыли опытную партию апатит-нефелиновых руд. В результате всего через три месяца было принято правительственное постановление об организации первого на полуострове горно-промышленного треста «Апатит» и началось строительство города Хибиногорска (в 1934 г. переименован в Кировск)¹⁰.

⁵ Известия Императорской Академии наук: 1915. Птгр. №8. VI серия, 680–682.

⁶ Ширина, Максимова 2014, 31.

⁷ Данилейко 2013, 166.

⁸ Отчет о деятельности Комиссии по изучению естественных производительных сил России за 1917 год: 1918. Птгр., 12.

⁹ Виттенбург 2003, 46.

¹⁰ Ферсман 1932, 4–6.

Столь частое упоминание слова «первый» хорошо иллюстрирует процессы, происходившие тогда на Кольском полуострове. Именно в 1920-е гг. был дан тот импульс, который превратил этот регион в один из основных источников сырья для тяжелой промышленности Советского Союза.

Практически одновременно на другом «полюсе» Российской Арктики – в Якутии – развернулись работы крупнейшей для своего времени Якутской комплексной экспедиции АН СССР. Только в ее полевых исследованиях приняли участие 246 научных и научно-технических работников. В состав руководящих органов экспедиции, а также консультантов по различным отраслям знания, входили ведущие ученые страны. Для организации изысканий были привлечены 16 академиков, 9 членов-корреспондентов Академии наук, 30 профессоров вузов. В течение 1925–1930 гг. отряды этой экспедиции обследовали Алданский, Булунский, Верхоянский, Вилюйский, Колымский, Олекминский и Якутский округа. Ученые провели в поле 391 месяц и прошли свыше 130 тысяч километров.

Среди важнейших результатов работы Якутской комплексной экспедиции были этнографическое обследование коренных народов Якутии; дополнения или исправления существовавших карт республики и подготовка новой карты, изданной в 1934 г.; гидрологическое изучение большинства крупнейших рек (Анабар, Оленек, Яна, Индигирка, Колыма и др.) и определение их судоходного потенциала; исследование почв и составление почвенных карт основных сельскохозяйственных районов Якутии в целях интенсификации ее аграрного развития; оценка кормовых, рыбных и охотничьих угодий; разработка рекомендаций по освоению месторождений полезных ископаемых; геоморфологическая характеристика ряда районов, включая Алданский – один из важнейших источников золотодобычи в Советском Союзе того времени, и др.¹¹

Рассмотренные инициативы в Якутии и на Кольском полуострове были реализованы в то время, когда Академия наук сохраняла относительную свободу действий и достаточную независимость в принятии решений от новой власти. Однако в 30-е гг. XX в. Академия была фактически инкорпорирована в выстроенную тоталитарную систему и, хотя по-прежнему оставалась научным сообществом, имеющим свой Устав, членство и формальное самоуправление, на деле стала учреждением, полностью подконтрольным Совету народных комиссаров СССР; своего рода «министерством фундаментальной науки», как верно заметил В.Н. Кудрявцев¹².

Влияние произошедшей «советизации» на деятельность АН СССР достаточно подробно освещено в существующей научной литературе¹³. Ее авторы сходятся во мнении, что Академия получила значительную государственную поддержку, результатом которой явилось создание широкой сети академических институтов, региональных филиалов и баз, резкое увеличение численного состава, в целом улучшение материального положения и повышение престижа профессии ученого. При этом на первый план в академических исследованиях вышли проблемы, связанные с обеспечением задач экономического развития страны, и прежде всего с изучением и освоением природных ресурсов. В частности, решением экономико-

¹¹ Ермолаева 2001, 66–115.

¹² Кудрявцев 1990, 5.

¹³ Гранберг, Штульберг, Адамеску 2005; Козлов 2003; Колчинский 2003; Кольцов 1988.

хозяйственных проблем занимались крупнейшие экспедиции АН СССР 1930-х гг. на Южный Урал и Кавказ, в центральные районы европейской части Советского Союза и Киргизию¹⁴. В этом плане также показательны сохранившиеся в Архиве РАН данные: в 1937 г. в академических экспедициях работало 54 отряда, из которых 48 были горно-геологической направленности¹⁵.

Таким образом, ориентированность на обеспечение нужд экономико-хозяйственного развития страны, которая вызрела в недрах отечественной Академии наук и являлась одним из векторов ее экспедиционной деятельности в 1920-е гг., в рассматриваемый период, после произошедших организационных изменений и установления полного контроля властями, заинтересованными именно в такой постановке академических исследований, приобрела фактически тотальный размах.

Вместе с тем следует отметить, что последствия реорганизации АН СССР для исследований непосредственно в Российской Арктике к настоящему времени остаются «белым пятном» в исторической науке, равно как и влияние на деятельность Академии в этом регионе различных внешних факторов, включая приоритеты, отданные правительством страны при его освоении. Не рассматривалась также специфика проведения исследовательских работ Академии наук в северных районах Советского Союза в представленный период, их основные направления и полученные результаты. В данной статье предпринята попытка очертить основные контуры указанной проблематики.

Учитывая характер и содержание выявленного при подготовке данной работы источникового материала, представляется целесообразным изложить имеющиеся сведения в рамках двух условных частей, выделенных по географическому принципу. Первая часть будет посвящена истории научного изучения арктических районов европейской части СССР: Кольского полуострова и северных территорий бывшего Северного края, в который входили современные Республика Коми, Архангельская и Вологодская области; вторая – т.н. Азиатского Севера, включающего северные районы Сибири.

Названные выше успехи в изучении Кольского полуострова в 1920-е гг. дали возможность организовать здесь Хибинскую горную станцию – предтечу первого комплексного стационарного академического учреждения в Российской Арктике. Станция была открыта 19 июля 1930 г., а ее руководителем был назначен академик А.Е. Ферсман.

В том же 1930 г. А.Е. Ферсман обнаружил сульфидные медно-никелевые руды в Мончетундре, А.А. Григорьев нашел в Ловозерском районе крупные месторождения диатомита – горной породы, которая в свое время прославила и обогатила Альфреда Нобеля, использовавшего ее для производства динамита, а Н.Н. Гуткова открыла в Хибинах коренные месторождения нового минерала – ловчоррита (назван по горе Ловчорр на Кольском полуострове), применяемого впоследствии при получении стронция и церия.

Еще одним серьезным шагом на пути перехода от экспедиционного к стационарному изучению Кольского полуострова стало решение о создании в Хибиногорске Полярно-альпийского ботанического сада Академии наук в 1931 г.¹⁶ На его

¹⁴ Гранберг, Штульберг, Адамеску 2005, 18.

¹⁵ Архив Российской академии наук (РАН). Ф. 174. Оп. 26. Д. 32. Л. 17.

¹⁶ Левшин 1988, 194–195.

опытных площадках стали проводиться эксперименты по приживанию в Заполярье растений различных климатических зон и улучшению местных сортов¹⁷.

Однако основная доля академических исследований на Кольском полуострове по-прежнему была посвящена работам, так или иначе связанным с добычей полезных ископаемых.

В 30-е гг. XX в. эти изыскания получили развитие «вширь»: наряду с Хибинским горным массивом, в недрах которого было выявлено почти 2/3 из известных на тот момент человечеству химических веществ, систематическими исследованиями оказались охвачены территории Волчьих, Ловозерских, Лосевых, Сальной и Федоровой тундр (слово «тундра» в названии по местной традиции свидетельствует, что этот район поднимается выше зоны леса), а также «вглубь» – важное место было отдано применению новых методов и постановке новых исследовательских задач: изучению вечной мерзлоты, тектоники и радиоактивных минералов.

Так, отряд О.А. Воробьевой (Петрографический институт АН СССР) осуществил петрографическое изучение ранее фактически не охваченной академическими изысканиями территории Волчьих тундр. Исследователи установили составляющие тундры горные породы, проследили их генезис, определили минеральный и химический состав, а также структурно-текстурные особенности. На основе полученных данных была воссоздана геологическая история исследованного района в эпоху последнего ледникового периода (110 тыс. лет назад – около 9600 г. до н.э.): площадь и мощность ледового покрова, направление движения оледенения и его стадии. Кроме того, специалисты установили входящие в ледниковые отложения породы и источники их происхождения. Одновременно были выявлены месторождения сульфидных (сернистых) и железных руд, диатомита, а также запасы строительных материалов (глина, песок, гравий, галечник). Ученые определили их химический состав и ориентировочные хозяйственные перспективы (возможность использования в производстве и предполагаемые издержки)¹⁸.

О.А. Воробьева участвовала также и в начатом в 1933 г. систематическом изучении полезных ископаемых Ловозерских тундр. Уже в 1934 г. она выделила зону, содержащую редкоземельный элемент лопарит. Тогда же В.И. Герасимовский (Институт геохимии, кристаллографии и минералогии им. М.В. Ломоносова АН СССР) открыл несколько месторождений новых минералов (стенострупин, усингит, эрикит и др.)¹⁹.

В результате работы геохимических отрядов под руководством Э.М. Бонштедт и Н.Н. Гутковой (Минералогический институт АН СССР) была определена приуроченность различных горных пород к определенным минералам (нефелина к апатиту, луайрита к лампрофиллиту и др.), что в дальнейшем облегчило поиски перспективных месторождений полезных ископаемых на Кольском полуострове²⁰.

Основным итогом работы Геолого-петрографического отряда Кольской комплексной экспедиции Н.И. Соустова и Ф.П. Харченко (Петрографический институт АН СССР), который в 1933 г. исследовал район, прилегающий к юго-восточ-

¹⁷ Ферсман 1932, 68–71.

¹⁸ Ферсман 1932, 48–51, 62–64.

¹⁹ АРАН. Ф. 174. Оп. 26. Д. 32. Л. 31; Губкин 1936, 35–39.

²⁰ Ферсман 1932, 27–37.

ной части Хибинских гор и Федоровой тундре, стало открытие месторождения сульфидных руд, содержащих медь и никель²¹.

В том же 1933 г. началось изучение радиоактивных минералов Хибинского горного массива сотрудниками Радиевого института АН СССР под руководством В.Г. Хлопина. Эти изыскания, помимо чисто прикладных результатов – обнаружения месторождений монацита и циркона, – позволили определить абсолютный возраст Хибинских тундр (380–400 млн. лет)²².

Более подробно остановиться на истории академических исследований 30-х гг. XX в., в результате которых на карте Кольского полуострова появлялись все новые и новые пункты, обозначавшие месторождения полезных ископаемых, не позволяют рамки данной работы. Можно лишь вкратце напомнить, что в рассматриваемый период сотрудники Академии наук СССР открыли залежи перовскита, титаномагнетита, нефелина, эвдиалита, ниобия и редкоземельных элементов, новые коренные выходы апатито-нефелиновой руды, месторождения диатомита и кианита, установили содержание селена в кольских рудах и др.²³

Параллельно, как уже было отмечено, велись изыскания по повышению эффективности разработки ранее найденных месторождений. Так, отряд Ф.Ю. Левинсон-Лессинга (Петрографический институт АН СССР) занимался изучением тектоники и распространения трещин в Хибинских горах. Учет этих факторов был необходим при сооружении штолен рудников и усилении их устойчивости. Сотрудники Геоморфологического института АН СССР во главе с А.А. Григорьевым и Г.Д. Рихтером вели работу по составлению карты Кольского полуострова в масштабе 1:500000, требуемой для оптимизации его хозяйственного освоения. Карта была издана в ноябре 1934 г. Всесоюзным картографическим трестом Народного комиссариата тяжелой промышленности СССР и на тот период оказалась самой точной картой региона²⁴.

Аналогичную в целом направленность на определение путей оптимизации добычи природных ресурсов, изучение геоморфологических и топографических условий, а также развитие лесного и сельского хозяйства, охотничьих промыслов и оленеводства имели в 1930-е гг. исследования сотрудников Академии наук СССР в соседнем с Кольским полуостровом Северном крае. Непосредственные же поиски месторождений полезных ископаемых здесь вели главным образом структуры, аффилированные с НКВД СССР.

Следует напомнить, что именно в рассматриваемый период в экономике страны значительно возросла роль территорий, которые занимал Северный край. В одном только 1931 г. в их пределах были открыты месторождения и проявления пирита, меди, свинца, асбеста, цинка, гипса, флюорита, строительных материалов, сланцев, фосфоритов, серного колчедана и др.; не говоря о том, что в этот период в районе Воркуты были разведаны крупные месторождения угля и началась его промышленная добыча, а также о больших масштабах развития лесной промышленности (главным образом руками заключенных и спецпереселенцев – в

²¹ АРАН. Ф. 174. Оп. 26. Д. 32. Л. 29.

²² АРАН. Ф. 174. Оп. 26. Д. 32. Л. 32..

²³ Губкин 1932, 328–341; 1933, 289–299; 1934, 300–307; 1936, 23–75, 1937, 15–35; Ферсман 1932, 27–37.

²⁴ АРАН. Ф. 174. Оп. 26. Д. 32. Л. 26.

Северный край было выслано 46 тысяч «кулацких» семей), нуждавшейся, естественно, в соответствующем обеспечении ресурсами и инфраструктурой.

При этом вплоть до исследований ботанической экспедиции 1930–1932 гг. на Новой Земле, в Больше- и Малоземельской тундрах, посвященных выявлению и обследованию кормовой базы оленеводства, а также планированию устройства пастбищ²⁵, территория Северного края была практически не охвачена работами Академии наук.

В 1933 г. для расширения исследовательской деятельности в крае и оценки обширных данных, полученных в ходе разведочных и изыскательных работ различных организаций, прежде всего Ухта-Печорского треста, в Академии наук СССР под руководством А.И. Толмачева (Полярная комиссия АН СССР) была сформирована Печорская бригада.

В том же году члены бригады совершили рекогносцировочную поездку. С 22 июня по 25 августа 1933 г. они работали в Ухто-Печорском районе – основном ареале планируемого сосредоточения исследовательских усилий Академии наук. Здесь ученые ознакомились с условиями нефтедобычи в поселке Чибью (сейчас город Ухта), Воркутинским каменноугольным рудником и Щугорским каменноугольным месторождением, строительством лесозавода в поселке Усть-Кожва, работой Печорской сельскохозяйственной станции, замшевого и кирпичного заводов в Усть-Цильме. Кроме того, в ходе поездки исследователи получили сведения о ведущихся в Ухто-Печорском районе поисках источников нефти, развитии промыслового и оленеводческого хозяйств в Ненецком округе, сельского хозяйства и речного транспорта в Печорском бассейне.

Одновременно отряд под руководством П.С. Макеева произвел предварительное геоморфологическое изучение долины левого притока Печоры реки Ижма. Ученые исследовали геологическое строение окружающей местности, составили описание его рельефа, проанализировали происходящие эрозионные процессы²⁶.

По итогам этих исследований была организована Печорская комплексная экспедиция Совета по изучению производительных сил (СОПС, создан на основе КЕПС в 1930 г.) АН СССР, работавшая в Северном крае в течение 1934–1935 гг. под общим руководством А.П. Карпинского.

Деятельность Вайгачской бригады Печорской комплексной экспедиции (руководитель А.И. Толмачев) является наглядным примером, отражающим генеральную направленность академических изысканий в Северном крае в рассматриваемый период. Основной задачей участников бригады был анализ результатов освоения и определение перспектив хозяйственного развития острова Вайгач, а также близлежащего побережья Карского моря Вайгачской экспедицией ОГПУ. В частности, на месторождении полиметаллических руд в бухте Варнека исследователи изучили условия добычи свинца и цинка, оценили возможности его дальнейшей разработки и выделили два блока важнейших перспективных задач: горнотехнические, связанные с потребностью проведения срочных дополнительных разведок для выявления общей степени оруденения, определения нижней границы вечной мерзлоты и характера подземных вод, а также экономические, обусловленные необходимостью установить условия целесообразности использования

²⁵ Губкин 1932, 350–355; Самбук 1931, 51–52; Шишкин 1932, 132–136.

²⁶ Губкин 1934, 308–317.

полезных ископаемых острова Вайгач для экономики страны. Кроме того, в устье реки Андерма, где в 1932 г. были найдены крупные запасы флюорита (этот минерал, необходимый для сталелитейной и алюминиевой, а следовательно, и оборонной промышленности, был тогда для СССР предметом импорта), члены Вайгачской бригады оценили приблизительные запасы месторождения, а также дали рекомендации по новому способу его разработки – прежний, по их мнению, нарушал «возможность правильной организации горноэксплуатационных работ»²⁷.

Также академические исследования в Северном крае включали необходимые для его эффективной индустриализации картографические и мерзлотоведческие работы. Существенным вкладом в освоение региона было изучение земельных фондов, произведенные геоботаническая характеристика и топографическая съемка ряда районов²⁸. Основным же результатом организованных исследований стала разработка сотрудниками АН СССР плана экономического развития современной территории Республики Коми²⁹.

Таким образом, очевидно, что характерная для исследований Академии наук 1930-х гг. «ресурсоориентированность» в полной мере проявилась и при изучении северных районов европейской части страны.

К этому следует добавить, что рост масштабов деятельности АН СССР на Кольском полуострове и в Северном крае, общий курс на развитие сети академических учреждений (в начавшую формироваться в 30-е гг. XX в. территориальную сеть академических учреждений страны к 1934 г. уже входили Уральский и Закавказский филиалы, Дальневосточная, Казахская и Таджикская базы), а также заинтересованность властей в интенсификации исследований привели к появлению в Российской Арктике второй после экспедиционной работы основной формы организации изучения региона Академией – стационарной. В Хибинах и Архангельске были созданы соответственно Кольская (1934 г.) и Северная (1936 г.) базы Академии наук СССР.

В азиатских же районах Российской Арктики рассматриваемый период, напротив, характеризовался снижением академической активности. Если в 1925–1930 гг. в этом регионе, как было отмечено, проводилась крупнейшая Якутская комплексная экспедиция, в работе которой участвовало свыше двухсот исследователей, то ни в одной из выявленных академических инициатив, реализованных в 1930-е – 1941 гг., не принимало участие более 10 научных сотрудников.

Причинами данного факта видятся, во-первых, сосредоточение усилий Академии на более доступных в географическом и инфраструктурном отношении территориях, что позволяло значительно быстрее получить экономическую отдачу (так, к 1941 г. Европейский Север СССР стал источником критически необходимых в военное время никеля, угля, нефти, древесины и пороховой целлюлозы), а во-вторых, обширное присутствие на севере Сибири структур Главного управления Северного морского пути при СНК СССР (ГУСМП) и НКВД СССР. Эти структуры, опираясь на серьезную административную и финансовую поддержку со стороны государства, являлись в 1930-е гг. основными акторами освоения

²⁷ Шишов 1934, 33–38.

²⁸ Васильев 1936, 11–20; Губкин 1932, 350–359; 1933, 300–307; 1934, 308–317; 1936, 76–78; Шахов 1935, 27–34; Яновский 1932, 46–48.

²⁹ Советский Север 1935, 3–4, 113–118.

арктических районов азиатской части Советского Союза. В частности, только в Якутии учреждения ГУСМП организовали крупнейшую Лено-Хатангскую экспедицию (180 участников), Особую Индигирскую и Янскую комплексную экспедиции, осуществили исследования гидрографии Оленека, Хатанги, Анабара, Лены, Яны, Индигирки и Колымы, а также геологические работы по поиску месторождений угля, золота, олова, полиметаллов, нефти и др.³⁰ В одном 1933 г. трестом «Дальстрой» (де-юре вошел в систему НКВД СССР в 1938 г., однако все 30-е гг. XX в. его деятельность базировались на использовании труда узников ГУЛАГа), в рассматриваемый период фактически контролировавшем всю территорию современной Магаданской области, были организованы исследования 30 геологических партий, которые охватили съёмочными работами около 20 тыс. км³¹.

Очевидно, во многом по причине такой активности, а также в силу придания ряду территорий закрытого статуса так и остались «на бумаге», например, разработанные в СОПС АН СССР планы новых комплексных академических исследований Якутии на 1933–1937 гг., Колымской комплексной и физико-географической экспедиций³².

Значительная часть тех инициатив Академии наук СССР, которые все же удалось осуществить, так же, как и большинство региональных академических исследований 30-х гг. XX в., была направлена на решение экономико-хозяйственных вопросов. Существенный импульс при этом был придан инженерной геокриологии. В 1938–1941 гг. повышению устойчивости строительных сооружений, изучению в этой связи химических и физических свойств вечномёрзлых пород и их температурного режима были посвящены работы сотрудников первоначально Якутской экспедиции СОПС АН СССР (М.И. Сумгин), затем Якутской экспедиции Института мерзлотоведения (ИМЗ) АН СССР и Якутской научно-исследовательской мерзлотной станции ИМЗ АН СССР (П.И. Мельников)³³. Определением перспектив эксплуатации подмерзлотных вод населением и промышленными предприятиями республики были вызваны и гидрологические изыскания ученых³⁴. К началу 40-х гг. XX в. Якутия становится одним из полигонов по разработке положений и испытанию на практике разнообразных проблем прикладного мерзлотоведения. Именно геокриология оказалась тем ядром, вокруг которого происходил переход к стационарному исследованию республики АН СССР, и первым в Якутии постоянным академическим учреждением стала Якутская научно-исследовательская мерзлотная станция, созданная в 1941 г.

Одновременно академический центр организовал под руководством М.И. Рогалева ценные в практическом отношении иппологические изыскания. В результате них в годы, когда основной мощностью «двигателей» большинства хозяйств северных районов Сибири по-прежнему оставались в буквальном смысле лошадиные силы, исследователи впервые определили биологические особенности якутской породы лошади и заложили основы научной работы по коневодству в Якутии³⁵.

³⁰ Боякова 1995, 38–51.

³¹ Зеляк 2004, 30.

³² АРАН. Ф. 174. Оп. 106. Д. 9. Л. 5–7, 34–38.

³³ Каменский 1997, 13–20, 152–158; Сумгин, Мельников, Федосов 1941, 18–67.

³⁴ Каменский 1997, 24.

³⁵ АРАН. Ф. 174. Оп. 26. Д. 77. Л. 2–9.

Вместе с тем, в рассматриваемый период в азиатских районах Российской Арктики важную роль сохранили и другие направления академических изысканий, не связанные прямо с экономико-хозяйственными интересами страны.

Так, в ходе экспедиций к долганам 1930–1931 гг. и нганасанам 1936–1938 гг. А.А. Попов (Институт антропологии, археологии и этнографии АН СССР) изучил хозяйственный цикл, социальную структуру, религиозные взгляды и культуру этих этносов, ранее практически неизвестные научному миру³⁶. Работы Хатангской (А.Н. Смесов) и Нижне-Тунгусской (А.М. Рубин) экспедиций Полярной комиссии АН СССР 1932–1933 гг. позволили получить ботанические и зоологические сведения о северных районах современного Красноярского края, а также данные об их геоморфологическом и геологическом строении³⁷. Материалы о растительном покрове собирали и участники Нижне-Ленской экспедиции Ботанического института АН СССР Б.Н. Городков и Б.А. Тихомиров, которые работали в окрестностях реки Булун и бухты Тикси в 1935 г.³⁸ Классическим для отечественной Академии наук интересом к изучению останков представителей четвертичной флоры и фауны были вызваны изыскания В.С. Адрианова (Институт антропологии и этнографии АН СССР) на Ямале 1935–1936 гг., приведшие к открытию уникальной Усть-Полуйской археологической культуры³⁹, а также экспедиция на остров Врангеля 1938 г. (руководитель Р.Ф. Геккер), в результате которой ученые впервые в истории составили подробное описание его рельефа, провели исследования флоры и фауны, а также собрали пробы минеральных пород⁴⁰. Важный вклад в развитие общей геокриологии внесли изыскания П.Ф. Швецова и В.П. Седова в долине реки Кыра на севере Якутии в 1939 г., где был исследован генезис одного из крупнейших наледных явлений в мире⁴¹.

Следует отметить, что широкое присутствие в Российской Арктике структур ГУМСП и НКВД (ГУЛАГ, Дальстрой, Норильскстрой и др.), помимо значительных ограничений для Академии наук, обусловило и активное развитие научно-консультационного направления ее деятельности, опиравшегося на многолетний опыт и квалификацию академических работников. По запросам соответствующих органов сотрудники АН СССР оказывали экспертно-методическую помощь в организации изучения криолитозоны на мерзлотных станциях НКВД СССР в Воркуте, Норильске и Дудинке, а также Горно-геологического управления (ГГУ) ГУСМП в Игарке, Якутске и Анадыре (до передачи последних в ведение Академии наук в 1938 г.); осуществляли специальные изыскания с целью выработки рекомендаций по оптимизации добычи полезных ископаемых, а также повышения устойчивости промышленных и жилищных конструкций на территориях хозяйственной деятельности Главсевморпути и Наркомата внутренних дел⁴². Эта академическая поддержка, являвшаяся особой формой деятельности Академии наук, способствовала накоплению эмпирического материала в структурах АН СССР

³⁶ Попов 1931 210–212; Попов 1937, 91–135; Попов 1940, 247–249.

³⁷ АРАН. Ф. 174. Оп. 16. Д. 9. Л. 161–162.

³⁸ Губкин 1937, 182–189.

³⁹ Губкин 1937, 103–107.

⁴⁰ АРАН. Ф. 564. Оп. 1. Д. 1. Л. 15–51.

⁴¹ АРАН. Ф. 174. Оп. 26. Д. 91. Л. 2–29.

⁴² АРАН. Ф. 268. Оп. 1. 5. Д. 86. Л. 74–90; Д. 87. Л. 180–193; Д. 88. Л. 2–31; Д. 113. Л. 1–15; Д. 129. Л. 2; Д. 185. Л. 2–6.

и развитию на его основе фундаментального знания об арктическом регионе, а также повышению практических навыков проведения исследований в северных широтах у молодых сотрудников. На мерзлотных станциях ГГУ ГУСМП первый опыт научного познания Арктики получили командированные КИВМ АН СССР П.Ф. Швецов и П.И. Мельников, которые вскоре после этого, в возрасте 29 лет и 31 года соответственно, возглавили уже самостоятельные академические изыскания на севере Сибири.

Еще одна особенность рассматриваемого периода заключается в трагической «разновекторности» судеб исследователей Арктики. С одной стороны, создается и активно пропагандируется культ героя-полярника, дошедшего до наших дней в эпитетах «папанинцы», «челюскинцы», «седовцы»; с другой – в маховике репрессий гибнет или на годы вырывается из науки целая плеяда талантливых ученых-арктиковедов.

В 1930 г. в рамках т.н. «Академического дела» были арестованы несколько организаторов и видных участников Якутской комплексной экспедиции 1925–1930 гг.: ученый секретарь П.В. Виттенбург, участники полевых исследований С.В. Бахрушин и А.А. Бялыницкий-Бируля, редактор издательства материалов экспедиции Я.Н. Ростовцев и др. (по мнению академика А.Г. Гранберга, именно репрессии стали одной из основных причин сокращения масштабов академических исследований в Якутии в 1930-е гг.⁴³).

Мог продолжить свою плодотворную работу и открыватель упомянутой ранее Усть-Полуйской археологической культуры В.С. Адрианов, который был расстрелян 19 декабря 1936 г. «как активный участник контрреволюционной троцкистско-зиновьевской террористической организации»⁴⁴. Трагически оборвалась также деятельность крупного специалиста по тундровой флоре Ф.В. Самбука, по одним данным расстрелянного в ноябре 1937 г., по другим – погибшего в 1942 г. в одном из лагерей, располагавшихся на территории современной Республики Коми, изучению которой ученый посвятил значительную часть своей жизни⁴⁵.

В 1937 г. волна «Большого террора» накрыла первую полноценную стационарную академическую структуру в Российской Арктике – Кольскую базу АН СССР. Началась она с увольнения и ареста как «врага народа» заместителя председателя базы, фактически руководившего всей ее текущей деятельностью, И.Д. Чернобаева. Дальнейшая судьба этого талантливого организатора науки неизвестна. В 1938 г. «за развал работы» были уволены «лженаучный» и «малоквалифицированный» сотрудник (кандидат наук, открыватель целого ряда месторождений) А.Н. Лабунцов, от ареста которого спасло, по-видимому, только заступничество великого В.И. Вернадского, а также руководитель Зоогеографического отдела базы В.Ю. Фридолин (дальнейшая судьба ученого неизвестна)⁴⁶. Начальник еще одного отдела базы, экономического, Г.Н. Соловьянов был арестован⁴⁷. Та же

⁴³ Гранберг 2005, 1134.

⁴⁴ Решетов 2011, 43.

⁴⁵ Научный архив Коми НЦ УРО РАН. Комментарии к документам № 40–49 // ФГБУН Коми научный центр Уральского отделения РАН, <http://www.komisc.ru/ksc/archive/pub/war/koment5.htm>; Самбук Феодосий Викторович, http://www.uznal.org/book_of_memory.php?bukva=17&name=12&surname=127&repression=0

⁴⁶ Макарова 2008, 15–16.

⁴⁷ Тараканов 2011, 104.

участь постигла одного из ведущих геологов, открывателя апатитовых месторождений Б.М. Куплетского⁴⁸. Приведенные данные, когда в ходе «чистки» кадрового состава базы пострадало 3 из 5 начальников отдела и ее фактический руководитель, позволяют представить масштабы бедствия, постигнувшего эту академическую структуру.

Названные выше имена – лишь малая толика судеб репрессированных исследователей Арктики. Часть из них прошла лагеря, исправительные работы и сумела возвратиться в науку. Однако и в том, и другом случае ущерб для страны и научного познания Заполярья очевиден.

Период 1930–1941 гг. стал, таким образом, одной из наиболее трагических вех в 280-летней истории деятельности отечественной Академии наук в Российской Арктике. Вместе с тем, в это противоречивое для научного центра время были заложены основы стационарных исследований региона академическими структурами, расширена география изысканий, в целом укреплен авторитет Академии как необходимого элемента в изучении и освоении арктических территорий нашей страны. Генеральным вектором деятельности АН СССР при этом, безусловно, являлись исследования, связанные с обеспечением интересов экономико-хозяйственного развития Советского Союза. В рассмотренный период этот вектор получил развитие практически во всех уголках Российской Арктики: в большей степени в ее европейских районах и несколько в меньшей – в азиатской части, где в целом наблюдалось сокращение масштабов академического присутствия.

ЛИТЕРАТУРА

- Боякова, С.И. 1995: *Главсевморпуть в освоении и развитии Севера Якутии (1932 – июнь 1941 г.)*. Новосибирск.
- Васильев, В.Н. 1936: Экспедиции Совета по изучению производительных сил в 1935 г. *Вестник АН СССР* 2, 11–20.
- Виттенбург, Е.П. 2003: *Павел Виттенбург: геолог, полярник, узник ГУЛАГа*. СПб.
- Гранберг, А.Г. 2005: О развитии производительных сил Якутии. К 80-летию Якутской комплексной экспедиции. *Вестник РАН* 12, 1132–1135.
- Гранберг, А.Г., Штульберг, Ю.М., Адамеску, А.А. и др. 2005: *Совет по изучению производительных сил. Этапы становления и развития. 1915–2005*. М.
- Губкин, И.М. (ред.) 1932: *Экспедиции Всесоюзной Академии наук 1931 г.* Л.
- Губкин, И.М. (ред.) 1933: *Экспедиции Всесоюзной Академии наук СССР 1932 г.* Л.
- Губкин, И.М. (ред.) 1934: *Экспедиции Академии наук СССР 1933 г.* Л.
- Губкин, И.М. (ред.) 1936: *Экспедиции Академии наук СССР 1934 г.* М. – Л.
- Губкин, И.М. (ред.) 1937: *Экспедиции Академии наук СССР 1935 г.* М. – Л.
- Данилейко, В.А. 2013: Научные организации 1920–1930-х гг. и их роль в изучении Севера Сибири. *Вестник Томского государственного университета. История* 2, 166–169.
- Ермолаева, Ю.Н. 2001: *Якутская комплексная экспедиция 1925–1930 гг. Развитие науки в Якутии*. Новосибирск.
- Зеляк, В.Г. 2004: *Пять металлов Дальстроя: история горнодобывающей промышленности Северо-Востока в 30-х – 50-х гг. XX в.* Магадан.
- Каменский, Р.М. (ред.) 1997: *Академическое мерзлотоведение в Якутии*. Якутск.
- Козлов, Б.И. 2003: *Академия наук СССР и индустриализация России. Очерк социальной истории. 1925–1963 гг.* М.

⁴⁸ Макарова 2008, 15.

Колчинский, Э.И. 2003: Переезд Академии наук и ее ленинградские учреждения в 1930-е годы. В кн.: Ж.И. Алферов (ред.), *Академическая наука в Санкт-Петербурге в XVIII-XX веках. Исторические очерки* 457–481.

Кольцов, А.В. 1988: *Роль Академии наук в организации региональных научных центров СССР, 1917–1961 гг.* Л.

Красникова, О.А. 2006: *Академия наук и исследования в Арктике: деятельность Полярной комиссии в 1914–1936 гг.* [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://vivovoco.astronet.ru/VV/JOURNAL/VIET/ARCTICA.HTM>.

Кудрявцев, В.Н. 1990: Новый статус Академии. *Вестник АН СССР* 11, 5–9.

Макарова, Е.И. 2008: Забытые имена из истории Кольской базы АН СССР тридцатых годов. *Тундра* 6, 15–16.

Попов, А.А. 1931: Поездка к долганам. *Советская этнография* 3–4, 210–212.

Попов, А.А. 1937: Техника у долган. *СЭ* 1, 91–135.

Попов, А.А. 1940: Из отчета о командировке к нганасанам от Института этнографии Академии наук СССР. *СЭ* 3, 247–249.

Решетов, А.М. 2011: Советский археолог и этнограф Василий Степанович Адрианов: «жизнь, прерванная на взлете». *Музей* 8, 40–43.

Самбук, Ф.В. 1931: Отряды Северной геоботанической экспедиции. *Вестник АН СССР* 9, 51–52.

Сумгин, М.И., Мельников, П.И., Федосов, А.Е. и др. 1942: *Исследование вечной мерзлоты в Якутской республике* 1. Якутск.

Тараканов, М.А., Тоцкий Н.М., Соловьянов Г.Н. и др. 2011: Экономические исследования в Кольской базе и их возобновление в Кольском филиале АН СССР. *Вестник Кольского научного центра РАН* 3, 89–107.

Ферсман, А.Е. (ред.) 1932: *За Полярным кругом. Работы Академии наук на Кольском полуострове за годы Советской власти. 1920–1932 гг.* Л.

Шахов, А. 1935: Земледелие и кормовая база бассейна Печоры. *Советский Север* 2, 27–34.

Ширина, Д.А. 2001: *Россия: научное исследование Арктики. XVIII в. – 1917 г.* Новосибирск.

Ширина, Д.А., Максимова, Т.П. 2014: Академическая наука и советская власть. 1915–1918 годы (по материалам о производительных силах России). В сб.: М.В. Васильева (ред.), *Фундаментальные и прикладные научные исследования: вопросы филологии, истории, философии, политологии, экономики и медицины*. М., 28–39.

Шишкин, Б. 1932: Тундровая растительность Северного края. *Вестник АН СССР* 13, 132–136.

Шишов, А.Н. 1934: К итогам поездки Вайгачской бригады Академии Наук СССР. *Вестник АН СССР* 10, 33–38.

Яновский, В.К. 1932: Экспедиция на Печору для определения южной границы вечной мерзлоты. *Вестник АН СССР* 2, 46–48.

REFERENCES

Boyakova, S.I. 1995: *Glavsevmorput v osvoenii i razvitii Severa Yakutii (1932 – iyun 1941 g.)*. Novosibirsk.

Danileyko, V.A. 2013: Nauchnyie organizatsii 1920–1930-h gg. i ih rol v izuchenii Severa Sibiri. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya* 2, 166–169.

Ermolaeva, Yu.N. 2001: *Yakutskaya kompleksnaya ekspeditsiya 1925–1930 gg. Razvitie nauki v Yakutii*. Novosibirsk.

- Fersman, A.E. (red.) 1932: *Za Polyarnym krugom. Raboty Akademii nauk na Kol'skom poluostrove za gody Sovetskoy vlasti. 1920–1932 gg.* Leningrad.
- Granberg, A.G. 2005: O razvitii proizvoditelnykh sil Yakutii. K 80-letiyu Yakutskoy kompleksnoy ekspeditsii. *Vestnik RAN* 12, 1132.
- Granberg, A.G., Shtulberg, Yu.M., Adamesku, A.A. i dr. 2005: *Sovet po izucheniyu proizvoditelnykh sil. Etapy stanovleniya i razvitiya. 1915–2005.* Moscow.
- Gubkin, I.M. (red.) 1932: *Ekspeditsii Vsesoyuznoy Akademii nauk 1931 g.* Leningrad.
- Gubkin, I.M. (red.) 1933: *Ekspeditsii Vsesoyuznoy Akademii nauk SSSR 1932 g.* Leningrad.
- Gubkin, I.M. (red.) 1934: *Ekspeditsii Akademii nauk SSSR 1933 g.* Leningrad.
- Gubkin, I.M. (red.) 1936: *Ekspeditsii Akademii nauk SSSR 1934 g.* Moscow-Leningrad.
- Gubkin, I.M. (red.) 1937: *Ekspeditsii Akademii nauk SSSR 1935 g.* Moscow-Leningrad.
- Kamenskiy, R.M. (red.) 1997: *Akademicheskoe merzlotovedenie v Yakutii.* Yakutsk.
- Kolchinskiy, E.I. 2003: Pereezd Akademii nauk i ee leningradskie uchrezhdeniya v 1930-e gody. In: Zh. Alferov (red.), *Akademicheskaya nauka v Sankt-Peterburge v XVIII–XX vekah. Istoricheskie ocherki.* Saint-Peterburg, 457–481.
- Koltsov, A.V. 1988: *Rol Akademii nauk v organizatsii regionalnykh nauchnykh tsentrov SSSR, 1917–1961 gg.* Leningrad.
- Kozlov, B.I. 2003: *Akademiya nauk SSSR i industrializatsiya Rossii. Ocherk sotsial'noy istorii. 1925–1963 gg.* Moscow.
- Krasnikova, O.A. 2006: *Akademiya nauk i issledovaniya v Arktike: deyatel'nost Polyarnoy komissii v 1914–1936 gg.*, <http://vivovoco.astronet.ru/VV/JOURNAL/VIET/ARCTICA.HTM>.
- Kudryavtsev, V.N. 1990: Novyy status Akademii. *Vestnik AN SSSR* 11, 5–9.
- Makarova, E.I. 2008: Zabyitye imena iz istorii Kol'skoy bazyi AN SSSR tridtsatyykh godov. *Tietta* 6, 15–16.
- Popov, A.A. 1931: Poezdka k dolganam. *Sovetskaya etnografiya* 3–4, 210–212.
- Popov, A.A. 1937: Tehnika u dolgan. *Sovetskaya etnografiya* 1, 91–135.
- Popov, A.A. 1940: Iz otcheta o komandirovke k nganasanam ot Instituta etnografii Akademii nauk SSSR. *Sovetskaya etnografiya* 3, 247–249.
- Reshetov, A.M. 2011: Sovetskiy arheolog i etnograf Vasiliiy Stepanovich Adrianov: «zhizn, prervannaya na vzlete». *Muzye* 8, 40–43.
- Sambuk, F.V. 1931: Otryady Severnoy geobotanicheskoy ekspeditsii. *Vestnik AN SSSR* 9, 51–52.
- Shahov, A. 1935: Zemledelie i kormovaya baza basseyna Pechoryi. *Sovetskiy Sever* 2, 27–34.
- Shirina, D.A., Maksimova, T.P. 2014: Akademicheskaya nauka i sovetskaya vlast. 1915–1918 gody (po materialam o proizvoditelnykh silah Rossii). In: M.V. Vasileva (red.), *Fundamental'nyie i prikladnyie nauchnyie issledovaniya: voprosy filologii, istorii, filosofii, politologii, ekonomiki i meditsiny.* M., 28–39.
- Shirina, D.A. 2001: *Rossiya: nauchnoe issledovanie Arktiki. XVIII v. – 1917 g.* Novosibirsk.
- Shishkin, B. 1932: Tundrovaya rastitel'nost Severnogo kraya. *Vestnik AN SSSR* 13, 132–136.
- Shishov, A.N. 1934: K itogam poezdki Vaygachskoy brigadyi Akademii Nauk SSSR. *Vestnik AN SSSR* 10, 33–38.
- Sumgin, M.I., Melnikov, P.I., Fedosov, A.E. i dr. 1942: *Issledovanie vechnoy merzloty v Yakutskoy respublike I.* Yakutsk.
- Tarakanov, M.A., Tot'skiy, N.M., Solovyanov, G.N. 2011: Ekonomicheskie issledovaniya v Kol'skoy baze i ih vozobnovlenie v Kolskom filiale AN SSSR. *Vestnik Kolskogo nauchnogo tsentra RAN* 3, 89–107.
- Vasilev, V.N. 1936: Ekspeditsii Soveta po izucheniyu proizvoditelnykh sil v 1935 g. *Vestnik AN SSSR* 2, 11–20.
- Vittenburg, E.P. 2003: *Pavel Vittenburg: geolog, polyarnik, uznik GULAGa.* Saint-Petersburg.

Yanovskiy, V.K. 1932: Ekspeditsiya na Pechoru dlya opredeleniya yuzhnoy granitsyi vechnoy merzlotyi. *Vestnik AN SSSR* 2, 46–48.

Zelyak, V.G. 2004: *Pyat metallov Dal'stroya: istoriya gornodobyivayuschey promyshlennosti Severo-Vostoka v 30-h – 50-h gg. XX v.* Magadan.

RESEARCH OF THE USSR ACADEMY OF SCIENCES IN THE RUSSIAN ARCTIC IN 1930-s – 1941

Alexsandr A. Suleymanov

*Institute for Humanities Research and Indigenous Studies of the North, Russia,
alexas1306@gmail.com*

Abstract. The academic activity in the North regions of the Soviet Union in 1930s – 1941 is examined in the article. The beginning of this period is related to reorganization of the Academy of Sciences and it's factually «sovietization», the ending – to the restructuring of work in accordance with the requirements of wartime. The paper shows the meaning of implementation of the most important academic initiatives: The Kola complex expedition, expeditions on Pechora, the expedition to Wrangel Island in 1938, Yakutsk Expedition of the Council for the Study of Production Forces and the Obruchev Permafrost Institute in 1938–1940 and other. In this regard, the key factors that have had an impact on the scope and vectors research in the Russian Arctic were determined (strategic activity vector chosen by the governing body of the Academy under the influence of the government authorities and connected with the provision of the economic and business development of the country; the social and political situation existing in the Soviet Union, and occurrence of the new important actors – The Chief Directorate of the Northern Sea Route and structures that were affiliated with the People's Commissariat for Internal Affairs). The main directions of academic initiatives are shown in the article. Also the features of the selected period in the history of Academy of Sciences study of the region (development of stationary researches, activation of scientific and advisory work, the influence of repression on scientific potential) and its value for the development of fundamental and applied knowledge were noted.

Key words: Arctic, Yakutia, Kola Peninsula, Asian North, The Academy of Sciences of the USSR, researches, expeditions
